

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

**ПОД  
ЗНАМЕНЕМ  
МАРКСИЗМА**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ  
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

**№ 4**  
АПРЕЛЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“  
МОСКВА—1925

ПРОЕТАРН ВСЕХ СТРАН СОДЕРЖАНИЕ

ПОП  
МЕНЕМ  
МАРКСИЗМА

АННОСОСОЛНН МНННННННННННН  
ВАТМЖЖ МНННННННННННН

А 924

Главлит № 36673

Москва.

Тираж 4.500 экз.

Типогр. „Правда“ и „Беднота“, Яузск. мост, Серебряническая наб., д. 24.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
<u>К 100-летию со дня рождения Ф. Лассалья.</u>	
А. Деборин.— О статье Лассалья . . . . .	5
Ф. Лассаль.— Логика Гегеля и логика Розенкранца и систематическое осно- вание Гегелевой философии истории. Перевод Ис. Румера . . . . .	11
И. Разумовский.— Философско-правовое наследие Лассалья . . . . .	38
—	
И. Орлов.— Логическое исчисление и традиционная логика. . . . .	69
—	
З. Цейтлин.— О «мистической» природе световых квант . . . . .	74
Вас. Сленков.— Наследственность и отбор у человека . . . . .	102
—	
М. Покровский.— К вопросу об особенностях исторического развития России . . . . .	123
А. Таллеймер.— О книге Розы Люксембург «Введение в политическую экономию». Перевод Ис. Румера . . . . .	142
И. Вайнштейн.— Эклектичная экономика и диалектика . . . . .	166
Г. Зайдель.— Опровержение «мифа» или анархическая «иконография»? . . . . .	184
—	
М. Рубинштейн.— Церковь в современном рабочем движении . . . . .	200
<b>Т р и б у н а</b>	
И. Разумовский.— Письмо в редакцию . . . . .	215
И. Луппол.— На всякого мудреца довольно остроты . . . . .	220
<b>Б и б л и о г р а ф и я.</b>	
Ник. Карев.— III Ленинский сборник . . . . .	226
И. Сибирский.— Керженцев, Ленинизм . . . . .	229
И. Луппол.— Декарт, Рассуждение о методе . . . . .	230
Ц. Фридлянд.— Конрад Гениш, Фердинанд Лассаль — человек и по- литик . . . . .	232
Ф. Канелюш.— Новая буржуазная и с.-д. литература о социализме . . . . .	236
Н. Медников.— Политическая экономия. 1. «Предмет и метод». Сост. проф. С. Солнцев. 2. «Теория ценности», сост. проф. И. Плотников . . . . .	243
Л. Эвентов.— А. М. Саймонс, Социальные силы в американской истории. . . . .	245

## О книге Розы Люксембург „Введение в политическую экономию“.

А. Тальгеймер.

### 1. К истории возникновения книги.

Сведения, сообщаемые редактором об истории возникновения этой книги Розы Люксембург, весьма скудны. Он сообщает, что книга возникла из лекций, читанных ею в социал-демократической партийной школе; что книга незакончена; что нельзя установить, осталась ли она недописанной автором, или же части рукописи были украдены агентами Носке, ворвавшимися в квартиру Розы. Часть книги, сообщает редактор, написана еще до войны, остальное — в первую половину войны.

Итак, книга представляет собой фрагмент, вернее — фрагмент фрагмента. Этого не следует забывать.

То, что мы имеем, обнимает следующие главы:

- 1) «Что такое политическая экономия?» — разбор взглядов буржуазной политической экономии на историческую сущность, возникновение и исторические границы экономической науки;
- 2) две обемистые главы, посвященные истории возникновения, различным формам и разложению первобытного коммунизма и, далее, средневеково-феодалному хозяйству;
- 3) глава о товарном производстве;
- 4) глава о законе заработной платы;
- 5) глава о тенденциях капиталистического хозяйства.

Весь тот обширный круг вопросов, которые исследуются Марксом в трех книгах «Капитала», — процесс производства и обращения капитала и капиталистический процесс в целом, — частью лишь бегло затронут, частью не рассматривается вовсе.

Из текста книги как будто обнаруживается, что Розой Люксембург было написано больше, чем опубликовано в настоящем издании. Так, на стр. 291 мы читаем:

«Отсюда, как мы видели, вытекает неизбежность промышленных и торговых кризисов» и т. д. Между тем, в предлагаемой книге эта тема вовсе не затрагивается. Однако приведенная фраза сама по себе еще не доказывает, что Роза Люксембург и писала об этом вопросе. Наша книга имеет форму лекций. В курсе, читавшемся ею в партийной школе, Роза Люксембург обычно излагала в лекционной форме только историю докапиталистического хозяйства. Затем следовало чтение «Капитала» (I тома) в форме семинарских упражнений. Об этих упражнениях

у ее бывших учеников сохранилось самое блестящее воспоминание благодаря суверенному владению материалом, несравненной живости, остроте мысли и педагогическому мастерству, проявлявшимся при этом Розой Люксембург. Настоящая книга, как бы блестящи ни были отдельные ее части, является все-таки лишь слабым отблеском ее живого преподавания. Впрочем, наверное, существует еще целый ряд записей ее лекций бывшими учениками партийной школы. Эти записи следует собрать и обработать для восполнения настоящей книги.

Из сказанного следует, что приведенная выше ссылка на прежнее рассмотрение вопроса о торговых кризисах не должна непременно относиться к литературной обработке предмета; она может иметь в виду и его обсуждение во время семинарских упражнений.

Относительно позднейшего срока, когда могло быть начато составление книги, дает указание следующее место:

«Так, во Франции для борьбы с социалистическими профсоюзами основываются так называемые желтые профсоюзы, а в России самые сильные взрывы нынешних революционных массовых стачек пошли от «желтых», преданных правительству профсоюзов» (стр. 275).

Этим устанавливается 1905 год, как позднейший срок для начала написания книги.

С другой стороны известно, что Роза Люксембург работала над этой книгой еще во время войны, в тюрьме. Составление книги заняло, таким образом, десять лет слишком.

Как мы узнали, Роза Люксембург оставила краткое письменное указание, какие части книги она считает вполне законченными и готовыми к печати, и какие нет. Этого указания редактор, очевидно, не видел, иначе он наверное упомянул бы о нем.

Что касается работы редактора, то она оставляет желать многого. Редактор обязан дать читателю возможно более точные сведения об обстоятельствах, при которых была написана книга, о характере имевшихся в его распоряжении материалов, и т. д. Как мы видели, сведения, сообщаемые им на этот счет, весьма недостаточны. Далее, мы были бы вправе ожидать тщательно проработанного текста. Но уже при первом беглом прочтении бросаются в глаза некоторые опечатки или описки, легко поддающиеся исправлению.

На стр. 4 мы встречаем, например:

«Что неясное определение сущности политической экономии в самом деле является спорным вопросом, в этом можно убедиться на основании одного внешнего обстоятельства».

Здесь, конечно, должно стоять «ясное».

На стр. 38 английские изобретатели Arkwright и Cartwright названы в Cerkwright и Cartright.

На стр. 81 эпоха Юлия Цезаря определяется словами: «тысячу лет тому назад».

На стр. 100, по поводу исследований Моргана, говорится: «Таким образом революционным устремлениям к будущему протягивала руку аристократическая традиция седого прошлого» и т. д. «Аристократическая» — здесь явно не годится.

На стр. 175 мы читаем следующую цитату из «Капитала» Маркса:

«Простой производительный организм этих самодовлеющих коллективных существ, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, случайно погибнув, восстанавливаются снова в том же месте и под тем же названием, дает ключ к тайне непонятности азиатских обществ» и т. д. Очевидно, вместо непонятности должно стоять «неизменности».

На стр. 241, где идет речь об особенности товара, представляемого рабочей силой, напечатано «Besonderlichkeit» вместо «Besonderheit».

На стр. 244 Humboldt превращен в Humpoldt'a.

Это, конечно, только наиболее яркие примеры. Вместе с остальными ошибками они по меньшей мере доказывают, что редактор, каковы бы ни были его гражданские права на выпуск книги, мало думал о том, имеет ли он на это дело научные права.

Ясно также, что он ни в малейшей мере не сознавал, что революционный дух, которым веет от каждой буквы этой книги, должен был бы именно его заставить отказаться от роли человека, до известной степени знакомящего Розу Люксембург с рабочей публикой.

Читатель не должен ждать от книги Розы Люксембург простой популяризации политико-экономических учений Маркса. Книга дает одновременно и меньше и больше. Меньше, поскольку она обнимает только часть марксовской экономической теории; больше, поскольку она содержит и нечто новое—самостоятельные исследования по истории хозяйства в духе и при помощи методов марксизма. Те отделы, в которых излагается ход мысли самого Маркса, оставляют позади себя все, сделанное до сих пор в этой области, остротой и глубиной взгляда и диалектическим блеском изложения. По сравнению с этим «Экономические учения» Карла Каутского—топорная и плоская работа, местами прямо вводящая в заблуждение, настоящая вульгаризация. Доступность для пролетарских читателей достигается у Розы Люксембург, в противоположность Каутскому и другим, не за счет глубины мысли, а тем, что теоретические соображения она связывает с повседневным опытом рабочего и с фактами экономической истории, делая, таким образом, теорию наглядной. Р. Люксембург превосходно умеет, далее, выявить революционную сторону исторической диалектики, сделать ее близкой и понятной революционному чувству рабочего. Пролетарский читатель книги чувствует себя затронутым в том, что составляет интимнейшую суть его классового сознания, и чувствует в то же время, как это его сознание приобретает строгую и ясную форму научности.

Само изложение повсюду свидетельствует о несравненном даре живого художественного изображения.

Перейдем теперь к рассмотрению того нового и оригинального, что дает изложение Розы Люксембург.

## 2. Исторический характер политической экономии.

Роза Люксембург начинает с исследования вопроса: «Что такое политическая экономия?»

Не есть ли это, мог бы спросить иной читатель, «ученое» отцеживание комара? Почему не прямо приступить к «самому

делу», не задерживаясь так долго у порога,—к чему эта возня с определением понятия экономической науки?

Астроном исследует небесные светила, ботаник растения, зоолог животных,—все это совершенно просто.

Но не так просто обстоит дело в политической экономии. Почему?

Потому, что определение характера и предмета политической экономии теснейшим образом связано с основным взглядом на характер капиталистического хозяйства, другими словами — с классовой установкой по отношению к капитализму.

Классическая буржуазная политическая экономия, созданная еще революционной буржуазией, наивно полагает, что законы капиталистического хозяйства, это—открытые, наконец, вечные естественные законы всякого хозяйства вообще, т. е. законы, общеобязательные для всех времен, подобно закону тяготения и т. д. До сих пор эти законы не были познаны, теперь наконец разум открыл их; с ними и должно быть сообразовано действие. То, что несовместимо с этими законами, есть заблуждение, которое нужно устранить.

Это воззрение на политическую экономию совпадает с общим мировоззрением, которое лежит в основе революционной идеологии буржуазии XVIII века и которое нашло свое классическое выражение в так называемом «просвещении» во Франции и Англии. Согласно этому воззрению, буржуазное общество, с его нормами и законами, есть нормальное общество, его нормы и законы суть нормы и законы человеческого разума вообще. Буржуазное общество, в эпоху его борьбы с феодализмом за политическую власть и в первое время после завоевания власти, пока оно еще не встретило политического противника в лице пролетариата, было проникнуто неизбежной наивной иллюзией, что оно представляет собою достигнутую наконец цель истории, окончательную форму человеческого общества вообще. Его представление о самом себе было, следовательно, неисторично.

Неизбежной эта иллюзия была потому, что исторический характер буржуазного общества обнаруживается впервые лишь тогда, когда оно уже осуществилось, и когда в его недрах начинают развиваться внутренние противоречия, классовые антагонизмы. Эта иллюзия была также неизбежно связана с ролью буржуазии, как вождя всех угнетенных классов народа в борьбе против феодализма: чтобы быть способной к этой роли, буржуазия должна была питать иллюзию, что она несет свободу всем угнетенным классам, что она созидает гармонический общественный строй.

Это воззрение означало самую крайнюю революционную позицию по отношению к феодальному обществу, которое резко противоречило идеалу буржуазного разума.

Но смысл этого воззрения превращается в свою противоположность, как только буржуазный строй оказывается установленным, как только его внутренние противоречия начинают проявляться в войнах и экономических кризисах, как только обнаруживается, что буржуазное общество приносит с собой не благосостояние всех, а небывалую массовую нищету трудящихся классов, как только появляются первые признаки пролетарской классовой борьбы. Тогда неисторический взгляд на буржуазное

общество и его политическую экономию терлет как свою наивность, так и свой революционный характер. Классическая школа политической экономии (Адам Смит, Рикардо) разлагается и превращается в реакционную защиту буржуазного общества против пробуждающегося к сознанию своей исторической роли пролетариата.

Свой вечный и «разумный» характер политическая экономия утверждает теперь уже не против феодального общества, не против прошлого, а против грядущего социализма, она фальшиво подменяет исполненный противоречий, дисгармоничный, анархический характер капиталистического хозяйства другим, гармоническим и стройным, не считаясь с тем, что теперь уже этому чудовищно противоречат факты.

Заблуждение классической политической экономии было научным заблуждением. Ее представители были свободными исследователями. Заблуждение позднейшей политической экономии другого рода. Во всех основных вопросах своей области она уже перестала быть бескорыстным научным исследованием, превратившись в заинтересованную апологию капиталистической эксплуатации. К действительным научным выводам буржуазная политическая экономия приходит еще только во второстепенных вопросах, поскольку научные данные необходимы для практики эксплуатации.

В противоположность этому научный социализм начинает как раз с того места, где обрывается классическая политическая экономия. Его исходным пунктом является исторически переходящий характер капиталистического хозяйства. Этот исходный пункт дан ему фактом развития противоречий внутри самой капиталистической системы. Но этот исходный пункт, превращающий политическую экономию в историческую науку и само капиталистическое хозяйство в переходящее явление, возможен только для научного сознания того класса, который призван быть могильщиком буржуазного общества, — он возможен только для пролетариата.

Политическая экономия становится отныне не наукой о «хозяйстве» вообще, а исторической наукой о капиталистической системе хозяйства. Ее законы суть исторически-диалектические законы, т. е. законы возникновения данной хозяйственной формы из предшествующих форм, ее роста и ее разложения.

Исторически-диалектический характер этих законов проявляется в двух направлениях. Во-первых, как превращение законов товарного производства в законы капиталистического производства и, во-вторых, как превращение капиталистического производства в социалистическое.

Особенно ясно вскрывает Роза Люксембург исторически-диалектический характер марксистской экономии, подвергая критическому разбору — столь же острому, сколь исполненному юмора — положения немецких буржуазных экономистов, всех этих Роперов, Шмоллеров, Бюхеров, Зомбартов. Соответствующие места книги являются блестящими образцами полемики и имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Во-первых, из всей этой профессорской путаницы кое-что проникло в Германию даже в популярные изложения марксистской экономии. Назвать при-

меры было бы нетрудно. Во-вторых же, вся буржуазная интеллигенция, поскольку она вообще занимается политической экономией, барахтается в сетях этой путаницы. Острая, как лезвие ножа, критика Розы Люксембург может кое-кому помочь выпутаться из этих сетей.

Некоторые пункты этой полемики, опирающейся на обширный экономический и исторический материал, следует особенно отметить.

Против застывшего, популярного противоположения «промышленного» и «аграрного» государства, составляющего согласно Бюхерам и К<sup>о</sup> (и не в меньшей мере согласно Каутским) кардинальный пункт и движущий нерв мировой торговли и империализма, Роза Люксембург пишет, ссылаясь на торговые и хозяйственные сношения между Англией, Германией, Соед. Штатами и Россией:

«Полярная противоположность между промышленностью и сельским хозяйством, составляющая будто бы единственный источник международного обмена, сама оказывается, таким образом, чем-то текучим; она все больше оттесняется от центра современного культурного мира к его периферии» (стр. 22).

На основе подробного статистического материала она доказывает далее, что мировое хозяйство не есть, как то представляют себе Бюхеры и К<sup>о</sup>, система «народных хозяйств», по существу независимых друг от друга и восполняющих собственные «пробелы» путем внешней торговли, вывозящих свои «излишки» и т. д.; но что мировое хозяйство есть связанное всесторонними взаимными отношениями и систематическим разделением труда органическое целое, части которого определяются всем целым.

Путем сопоставления с первобытным коммунизмом, с хозяйством, основанным на рабском труде, и с феодальным хозяйством она освещает, далее, анархический, бесплановый, бесхозяйный характер капиталистической системы.

«Между тем как бесчисленные отдельные части, — а именно частное предприятие, даже самое гигантское, только частичка тех хозяйственных уз, которые охватывают всю землю, — между тем как отдельные части организованы строжайшим образом, целое так называемого «народного хозяйства», т. е. капиталистического мирового хозяйства, остается совершенно неорганизованным. В целом, обнимающем океаны и различные части света, не обнаруживается никакого плана, никакого сознания, никакого регулирующего начала; слепое господство неведомых, неукротенных сил капризно играет хозяйственной судьбой людей. Правда, обыкновенно могущественный властелин управляет еще и поныне трепещущим человечеством: имя ему — капитал. Но форма его управления не деспотизм, а анархия... Понять и высказать, что анархия есть жизненная стихия капитализма, это значит заодно же произнести ему смертный приговор, это значит сказать, что его дни сочтены. Теперь ясно, почему официальные научные заступники капитализма пытаются всяческими словесными ухищрениями завуалировать предмет, отвлечь взор от сущности к внешней оболочке, от мирового хозяйства к «народному хозяйству»... С этим первым вопросом, каким бы абстрактным и безразличным для социальных битв современности он ни казался на первый взгляд, уже устанавливается особая связь между политической

экономией, как наукой, и современным пролетариатом, как революционным классом» (стр. 62, 63).

Отсюда вытекают определенные выводы насчет исторического возникновения политической экономии и ее конца.

О ее возникновении Роза Люксембург говорит:

«Наука, имеющая своей задачей вскрыть законы анархического капиталистического способа производства, не могла, конечно, возникнуть раньше, чем самый этот способ производства, не могла появиться, пока в результате политических и хозяйственных сдвигов, совершавшихся веками, не создались постепенно исторические условия для классового господства современной буржуазии» (стр. 64, 65).

Политико-экономические поборники капитализма охотно становятся ныне в позу бластителей «беспредпосылочности», беспартийности своей науки в противовес тенденциозной, «партийной» экономии Маркса.

Перед лицом этого обмана весьма важно указание Розы Люксембург на то, что, пока буржуазия еще занималась политической экономией свободно и непредвзято, она тоже пользовалась этой наукой, как революционным оружием против феодализма.

«До того, как она (буржуазия) вдребезги разбила феодализм в Великую Французскую революцию, она подвергла его основательной критике: новая наука политической экономии возникает, как одно из важнейших идеологических орудий буржуазии в борьбе против феодального государства. Конечно, завоевание политической власти доставило буржуазии условия ее господства. Но наряду с философскими, естественно-правовыми и социальными теориями эпохи просвещения политическая экономия (и она прежде всего) была средством самопознания буржуазии, формулировкой ее классового сознания и, как таковая, предпосылкой и побудительницей к революционному действию» (стр. 67, 71).

Зародышевой формой политической экономии был, как известно, меркантилизм, названный так потому, что по этому воззрению «национальное богатство» заключается в золоте или деньгах и создается торговлей (XVI и XVII века).

О социальной и революционной зародышевой форме политической экономии Роза Люксембург метко замечает:

«Как ни грубо это учение, оно все-таки представляет собой первый резкий разрыв с понятиями феодального натурального хозяйства, первую критику этих понятий, первую идеализацию торговли, товарного производства и, в этой форме, капитала, — наконец, первую программу государственной политики в духе поднимающейся молодой буржуазии» (стр. 68).

Для нас еще важнее, чем вопрос о начале политической экономии, вопрос о ее конце.

По этому поводу Роза Люксембург пишет:

«Если мы теперь понимаем, почему политическая экономия впервые возникла около полутора столетий тому назад, то с этой же точки зрения нам становятся ясны и ее дальнейшие судьбы. Раз политическая экономия является наукой об особенных законах капиталистического производства, то ее существование и функция очевидно связаны с существованием последнего и теряют почву, как только перестает существовать этот способ производства. Другими словами: роль политической экономии, как науки, будет

страна, когда анархическое хозяйство капитализма уступит место планомерному хозяйственному порядку, организуемому и направляемому всем трудящимся обществом. Победа современного рабочего класса и осуществление социализма означают, таким образом, конец политической экономии, как науки» (стр. 71).

«Так учение о возникновении капитализма логически переходит в учение о его гибели. Наука о капиталистическом способе производства переходит в научное обоснование социализма, теоретическое орудие господства буржуазии — в орудие революционной классовой борьбы за освобождение пролетариата» (стр. 72).

Таково в особенности произведение Карла Маркса.

Это произведение Роза Люксембург характеризует следующим образом:

«Правда, изложенные Марксом законы капиталистической анархии и ее будущего исчезновения сами являются лишь продолжением политической экономии, как она была создана буржуазными учеными, но таким продолжением, которое в своих конечных выводах обращается самым резким образом против своих исходных пунктов. Учение Маркса — дитя буржуазной экономии, но дитя, рождение которого стоило жизни своей матери. В марксовой теории политическая экономия нашла свое завершение, но и свой конец, как наука. Дальнейшее развитие — кроме разработки марксова учения в подробностях — может заключаться только в претворении этого учения в дело, т.-е. в борьбе международного пролетариата за осуществление социалистического хозяйственного строя. Конец политической экономии, как науки, приобретает, таким образом, всемирно-историческое значение: он знаменует собою претворение в практику планомерно организованного мирового хозяйства. Последней главой политической экономии является социальная революция мирового пролетариата» (стр. 76—77).

Так ставила Роза Люксембург вопрос до начала социалистической революции в России.

Теперь нужно иначе его ставить и иначе на него отвечать, и именно ввиду тех вопросов, которые выдвигает развергавшаяся социалистическая революция. Экономическая теория Маркса представляет собою формулировку специфических законов капиталистического хозяйства, его возникновения, развития и гибели. Категории этой теории имеют исторический характер в двойном смысле. Во-первых, они описывают определенную форму хозяйства, имеющую историческое начало и исторический конец. Однако, как средства описания этой определенной формы, они имеют не только относительное и историческое значение, но и абсолютное — совершенно так же, как, напр., категории, с помощью которых геология описывает определенные периоды истории земли. В то время как буржуазная наука, в лице Риккорта и его экономистов, старается вырыть пропасть между «законами» природы и историческими законами, а то и вовсе исключить всякую закономерность из области истории, в действительности дело обстоит, повидимому, так, что естественные науки сами входят на пути сближения законов природы с историческими законами. С распадением считавшихся до сих пор неразложимыми химических «элементов» сама материя приобретает историю. Даже астрономия все более приобретает историческое

лицо. Было бы, мне кажется, интересной задачей рассмотреть с этой точки зрения современное естествознание). Категории марксистской экономики в большей своей части (но не все!) приложимы только к капиталистической форме хозяйства и отчасти к простому товарному производству.

Уже основоположная полярная пара категорий—потребительной и меновой ценности—теряет смысл для всякого общества, не производящего товары. То же самое следует сказать о законе ценности, как регулирующем начале капиталистического хозяйства, а тем самым и о законах, определяющих заработную плату; об историческом законе народонаселения при капитализме, о законах конкуренции, воспроизводства и т. д.

Вообще отпадает особый вид закономерности капиталистического хозяйства,—именно тот факт, что его ход регулируется законами, которые не входят в качестве норм в сознание и волю хозяйствующих субъектов. Недостаточно было бы сказать, что они просто не входят в сознание капиталистически хозяйствующих лиц. Если бы капиталисты и знали экономию Маркса, это ничего не изменило бы в ходе и характере капиталистического хозяйства. В нем нет регулирующего центра, который мог бы превратить это знание в руководящую норму поведения.

Социалистическое общество, в своем полном развитии, регулирует хозяйство планомерно. В нем нет места «слепым» законам, которые не прошли бы через сознание регулирующего центра, которые не служили бы руководящей нитью для непосредственно общественного действия.

Но когда исчезнут эти слепые законы, исчезнет ли тогда из нового общества закономерность вообще? Сможет ли оно обойтись без всякой экономической теории вообще, без экономической теории другого рода?

Без сомнения, нет.

Уже поскольку планомерность существует в отдельных частях капиталистического хозяйства, напр., на фабрике, она вызвала к жизни специальную науку, науку об организации производства, имеющую уже свои учебники, свои журналы, свои исследовательские институты и т. д.

Но разве это, может кто-нибудь спросить, действительная «наука»? Основной признак науки в том, что она представляет собою упорядоченную систему общеобязательных положений, выведенных из опыта,—в противоположность индивидуальным или «единичным» опытам, которые передаются индивидуально или в ограниченном кругу, без систематической связи, как, напр., ремесленный опыт. На наших глазах наука о производстве выросла из опытов отдельных предприятий, директоров фабрик и т. д. путем анализа, обобщения, установления систематической связи. В сущности всякая наука развивается, таким образом, из «ненаучного» ремесленного опыта и предания, не исключая даже математики, которая, как известно, берет свое начало в ремесленной практике древне-египетских и т. д. землемеров, которая становится «наукой», как только эти опыты подвергаются анализу и систематическому исследованию.

Различные формы первобытно-коммунистического, а также феодального хозяйства могли довольствоваться подобной ремесленной основой для своего общественного регулирования. Роза

Люксембург сама превосходно показывает, напр., как в первобытные времена нормы общественного регулирования хозяйства зачастую застывают в религиозные церемонии, культовые действия и т. д., т. е. принимают погусторонне, фантастические формы, становятся иррациональными и непонятными.

(Было бы интересно исследовать этот процесс перенесения в погусторонность с его формальной стороны).  
Ясно, что социалистическое общество не может превращать свои хозяйственные нормы в фантастические образы.

Возьмем, далее, античное хозяйство, основанное на рабском труде. Оно уже имеет свои учебники ремесленного типа, дающие сводку технических и экономических наставлений, извлеченных из опыта рабовладельцев,—таковы книги Катона Старшего, Варрона, Колумеллы и т. д. То же самое относится к феодальному хозяйству.

Социалистическое общество, конечно, не сможет искать основу для своего общественного регулирования в подобных ремесленных наставлениях. Будучи, на высшей ступени своего развития, широкообъемлющим, оно нуждается в насквозь рациональной систематической теории в строгом смысле слова.

Но в каком отношении находится эта последняя к экономии Маркса?

Маркс сам неоднократно противопоставляет экономические отношения в капиталистическом хозяйстве таковым же в будущем социалистическом хозяйстве, чтобы выявить определенные законы капитализма, как специфические формы всеобщих экономических законов (см., напр., отделины в схеме простого и расширенного воспроизводства выражают некоторые необходимые количественные отношения между элементами производства, которые должны сознательно соблюдаться в планомерно регулируемом хозяйстве и которые определяют относительный объем и расположение элементов производства—сырья, орудий производства, рабочих сил, средств потребления и т. д. Вообще говоря: если отнять у марксовых законов капиталистической экономики их специфический характер, то останется не пустое место, а ряд всеобщих положений, отношений величины, дающих путеводную нить для общественного регулирования хозяйства, экономическую теорию для обоснования экономических норм, или, если угодно, науку о хозяйстве, которая является основой для искусства хозяйствования.

Экономия Маркса является исходным пунктом для этой науки. Если Роза Люксембург говорит о марксистской экономике, что в социалистическом обществе она упраздняется, то это надо понимать лишь в смысле диалектического отрицания, которое означает не уничтожение, а исчезновение ограниченной специфической формы и восстановление в новом, всеобщем, специфическом образе. «Претворение в практику планомерно организованного мирового хозяйства», о котором говорит Роза Люксембург, есть не только практика, но одновременно и теория, руководящая практикой, и практика, проверяющая и расширяющая теорию.

Все это относится к вполне развитому социалистическому хозяйству.

Что же касается до социалистического хозяйства, которое еще только становится, еще только вырабатывается из недр капиталистического, еще вплетено в него, которое должно даже вступать в определенные отношения к простому товарному хозяйству и к различным формам натурального, — то оно, с своей стороны, обнаруживает специфическое смещение капиталистических форм с социалистическим содержанием. Теоретическое уяснение этой переходной формы является неотложным требованием практики, и работа в этой области уже началась. Без путеводной нити марксовской теории и здесь нельзя ступить ни шагу.

Все затронутые здесь вопросы были еще неуловимы до завоевания политической власти рабочим классом какой-нибудь большой страны. Только теперь они вошли в поле нашего зрения. Но отчетливое выявление своеобразного, особенного характера капиталистического производства и его законов, которые мы находим у Розы Люксембург, и является как раз необходимой предпосылкой для разрешения вопросов, выдвигаемых развитием самого социалистического хозяйства.

### 3. Анализ докапиталистических форм хозяйства.

Обе главы, посвященные истории хозяйства, являются самыми блестящими частями книги. Опираясь на громадный материал, Роза Люксембург впервые превращает хозяйственные формы первобытного коммунизма и феодализма из сухих застывших схем, или бессвязной груды фактов, в действительно живую историю докапиталистических форм хозяйства. То, что у Маркса и Энгельса часто лишь намечено немногими словами, получило здесь богатое развитие и пластическое выражение.

Роза Люксембург дает такую историю развития форм первобытного коммунистического хозяйства, которая проливает яркий свет на доисторические времена и древность, как бы играя, разъясняет целый ряд основоположных для исторического исследования вопросов и в то же время победоносно выступает против нынешнего тенденциозно-буржуазного искажения первобытно-коммунистического периода.

Гроссе, Липперты, Бюхеры и т. д., вся школа «новых» историков первобытного человечества (теперь в их ряды вступил и Г. Куно), изо всех сил стараются либо доказать, что первобытного коммунизма не существовало вовсе, либо низвести его на степень незначительного эпизода истории. По их мнению, частная собственность должна была властвовать в истории и до капитализма.

В этом искажении истории выражается не только сознательное стремление подкопаться под соответствующую часть исторического фундамента марксизма и не только неспособность буржуазных ученых смотреть на докапиталистические хозяйственные формы иначе, как сквозь капиталистически-буржуазные очки, но и идейная подготовка условий для уничтожающей борьбы империализма против натурального хозяйства и простого товарного производства. Свободное и бескорыстное исследование давным давно прекратилось и в этой области (характерно, что английские антропологи и этнологи ведут «ейчас» в «Таймсе» энергичную кампанию за

устройство антропологических и этнологических институтов, как вспомогательных средств для колониального управления и империалистической политики).

Роза Люксембург принимается прежде всего за господина Эрнста Гроссе<sup>1)</sup>. Господин Гроссе страшный «материалист». Даже старику Энгельсу достается от него за то, что он недостаточно тверд в материализме. Энгельс, как известно, утверждал, что в первобытные времена, наряду с производством материальных благ, некоторую самостоятельную роль при развитии семейных отношений играло и производство людей. Эту формулировку Энгельса нельзя назвать удачной. Она формулировала временный пробел в нашем знании о первобытных временах, но вместе с тем она указывала на то, что в основе человеческой истории и в особенности истории семейных форм лежат определенные предпосылки из истории животного царства. Этот вопрос, по которому теперь накоплен колоссальный материал, неизвестный во времена Энгельса, — вопрос об очеловечении, о развитии орудий, языка, общественных форм, первоначальных семейных форм из зоологических предпосылок, — еще ждет своей марксистской обработки.

Но что делает Гроссе из первобытной истории? Грубую, плоскую, реакционную карикатуру на исторический материализм и его метод. Семейная форма в данную эпоху, заявляет он, есть всегда непосредственный продукт господствующих в эту эпоху хозяйственных отношений. Но что понимает Гроссе под «хозяйственными отношениями»? Не что иное, как старинную схему: олоа, рыболовство, скотоводство, земледелие, — т. е. основные для данной эпохи источники народного питания, при чем как раз то, что всякий раз составляет специфический характер «производственных отношений», смазывается в какую-то кашу.

По этому поводу Роза Люксембург вполне правильно замечает:

«Убеждение, что характер основного источника, из которого питается данный народ, имеет чрезвычайное значение для его культурного развития, составляет не столько новехонькое открытие господина Гроссе, сколько старинное достояние достояние всех ученых, занимавшихся историей культуры. Ведь именно это убеждение и привело к ходячему разделению народов на оленеводов, скотоводов и земледельцев, которое повторяется во всех историях культуры и которое, после стольких разговоров, применяет и сам господин Гроссе. Однако это убеждение не только весьма старо, но — в той упрощенной формулировке, в какой его перенимает Гроссе — и совершенно неверно. Пока мы знаем только то, что такой-то народ живет охотой, скотоводством или земледелием, мы еще не знаем о его производственных отношениях ровню ничего... Именно против такого грубого и примитивного «материализма», принимающего во внимание только внешние естественные условия производства и культуры и нашедшего свое лучшее и исчерпывающее выражение в английском социологе Бокле, восставали Маркс и Энгельс. Не внешний естественный источник питания является решающим

<sup>1)</sup> См. его книгу: „Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft“ 1896 г.



для хозяйственных и культурных условий человеческой жизни, а те отношения, в которых люди находятся друг к другу в процессе работы. Общественные отношения производства отвечают на вопрос: какая форма производства господствует у данного народа? Только уяснив себе как следует эту сторону производства, можно понять определяющие влияния производства какого-либо народа на его семейные отношения, правовые понятия, религиозные представления, художественное развитие» (стр. 107—190. Подчеркнуто мною. А. Т.).

Схема Гроссе—это, в несколько модернизированном виде, та самая схема, которая восходит к «просвещению» XVIII века, которую во Франции развивал Руссо, а в Германии Гердер. Но если невнимание к специфическим формам производства в первобытные времена имело у писателей просвещения как теоретически, так и практически прогрессивно-революционный смысл, то у Гроссе и К<sup>о</sup>, пишущих после появления исторического материализма и после подбора громадного фактического материала, оно имеет смысл глубоко реакционный. «Первобытные времена» были для эпохи просвещения идеализированным и процирированным в прошлое буржуазным обществом, полемически обрцнным против общества феодального с его гнилостью и деспотизмом на одном полюсе, с его нищетою и скотской придавленностью—на другом. Это было напоминанием феодальному обществу, что на его челе напечатлено клеймо брениости, и что человек низведен в нем даже ниже уровня «дикаря». Теоретически же первобытная история эпохи просвещения есть первое, еще грубое звено той цепи, которая ведет к величайшему буржуазно-революционному идеалистическому пониманию истории Гегеля и материалистически-диалектическому Маркса и Энгельса. У Гроссе и К<sup>о</sup> центр тяжести в противоположном: теоретически—в борьбе против революционной теории нашего времени, против марксизма, практически—в борьбе нисходящего капитализма, т.-е. империализма, против революционного рабочего класса, прокладывающего путь социализму, и против колониальных народов, его союзников в борьбе и жертв разрушительной деятельности империализма.

Маркс неоднократно потешается над неспособностью буржуазных экономистов различать разные формы производства. Папр., над каким-нибудь Торренсом, который называет палку «дикаря» первым видом капитала, или над Адамом Смитом, который фантастически превращает «дикаря» в производителя товаров. Эта грубость мысли, это неумение различать исторические формы производства есть неизбежный результат неспособности понять само капиталистическое производство, как особую, переходящую форму хозяйства, т.-е. результат буржуазной классовой ограниченности. Но если у Адама Смита и т. д. все это еще наивно, то у нынешней буржуазной экономики и т. д. это превратилось в сознательное, тенденциозное искажение.

Гроссе дает следующую схему связи между «формами» человеческого хозяйства и производства:

- 1) период охоты—отдельная семья и господство мужчин;
- 2) период скотоводства—отдельная семья и усиление господства мужчин;
- 3) период примитивного земледелия—отдельная семья со патриархическим господством женщины, но затем подчинение земледель-

цев скотоводам,—и, стало быть, снова—отдельная семья, в которой господствует мужчина.

Роза Люксембург указывает, что в этой схеме исчезают не только формы производства, но также формы семьи и их развитие, что разнообразие семейных форм сводится в ней к простой противоположности «господство мужчин—господство женщин», и что при этом отдельная семья представляется каким-то неподвижным полюсом в потоке явлений, началом, серединой и концом истории, чем-то таким, что в историческом процессе подвергается лишь незначительным вариациям. В основе самого понятия «отдельной семьи» лежит при этом типично буржуазное филлистерское представление о конкуренции двух компаний, мужчины и женщины, участвующих в общем деле и пользующихся той или другой долей власти в зависимости от величины вклада.

Форкая судьба женского пола такова, что только один раз в истории—на низшей ступени земледелия—он, в виде исключения, был источником пропитания семьи, но и тогда ему в большинстве случаев пришлось отступить перед воинственным мужским полом. Таким образом история форм семьи есть в сущности только история рабства женщины, при всех «формах производства» и вопреки всем формам производства» (стр. 112).

Не менее характерно для Гроссе тенденциозно-фальшивое умаление исторической роли родового союза («gens») по сравнению с отдельной семьей.

Гроссе старается, далее, показать, что общественное развитие человечества началось не с общинной, а с частной собственности, а что чем глубже мы уходим в первобытную историю, тем исключительнее властвует «индивидуум» со своим индивидуальным имуществом». Чтобы получить этот удивительный результат, ниспровергающий все исторические факты (как то подробно показывает Роза Люксембург), Гроссе поступает так: он берет масштабом «недвижимость» и «движимость», т.-е. категории, взятые из общества, основанных на частной собственности, затем смотрит, какая из этих двух категорий «играет большую роль» и, таким образом, повсюду открывает преобладание «частной собственности», так что даже общества с ясно выраженной общинной собственностью на землю вычеркиваются им из ряда коммунистических форм.

Ясно, что таким путем мы повсюду в истории найдем «частную собственность». Рассуждая так, можно и «капитал» отнести ко времени эолитов, самых грубых каменных орудий.

Роза Люксембург иронически замечает по этому поводу: «С этой глубокомысленной точки зрения какое-нибудь товарищество нищих (какие нередки на востоке), которое собирает подаяния в общую кошну и сообща ими пользуется, или шайка воров, солидарно потребляющая украденное, оказываются «коммунистическим хозяйственным товариществом» в самом чистом виде. Наоборот, сельская община, которая сообща владеет и сообща обрабатывает землю, но плоды урожая потребляет посемейно—каждая семья со своего участка,—может быть названа «общинным хозяйством только в очень условном смысле». Словом, моментом, определяющим характер производства, является по этому пониманию право собственности на средства потребления, а не на сред-

ства производства, т.-е. на условия распределения, а не производства» (стр. 134).

Тут мы подошли к одному из решающих пунктов политико-экономической теории, именно к вопросу об основоположном, характерном признаке исторически сменяющихся форм производства, о том, что во всякой форме определяет строение экономического целого, а также его частей и их взаимных отношений. Этот признак должен быть вместе с тем решающим для различения разных хозяйственных форм. Иначе этот вопрос можно поставить так: что такое «производственные отношения»?

Необходимо привести здесь существенные места из ответа Розы Люксембург на этот вопрос:

«Техника общественного труда,—отвечает Роза Люксембург,—в точности отмечает достигнутую в данный момент ступень человеческого господства над внешней природой. Каждый новый шаг в усовершенствовании производственной техники есть вместе с тем шаг в покорении физической природы человеческим духом и, следовательно, шаг в развитии общечеловеческой культуры. Однако, когда мы хотим специально исследовать формы общественного производства, тогда мы не можем ограничиться отношением людей к природе, тогда нас интересует в первую голову другая сторона человеческого труда: те отношения, в которых люди находятся друг к другу в процессе работы, т.-е. нас интересует не техника производства, а ее общественная организация... Итак, само производство есть первый и важнейший момент хозяйственной жизни общества. Но в процессе производства решающим является вопрос: в каком отношении находятся трудящиеся к средствам своего производства?.. Мы имеем здесь в виду не техническую сторону дела, не большее или меньшее совершенство средств производства, с которыми работают люди, и не способ, каким они работают. Мы имеем в виду общественное отношение между человеческой рабочей силой и мертвыми средствами производства, т.-е. вопрос: кому принадлежат средства производства? На протяжении веков это отношение часто менялось. И при этом всякий раз менялся и весь характер производства, распределение продуктов, форма разделения труда, направление и размеры обмена и, наконец, вся материальная и духовная жизнь общества. Смотря по тому, владеют ли трудящиеся средствами своего производства сообща, или каждый из них владеет ими в отдельности, или не владеет ими вовсе, составляют ли они, вместе со средствами производства, собственность нетрудящихся, или, как несвободные, прикреплены к средствам производства, или, как свободные, но немущие, вынуждены продавать свою рабочую силу, как средство производства,—в зависимости от этого перед нами коммунистическая, или мелко-крестьянская и ремесленная форма производства, или хозяйство, основанное на рабском труде, или барщинное хозяйство, основанное на крепостном праве, или, наконец, капиталистическое хозяйство с системой заработной платы. И каждая из этих хозяйственных форм имеет свой особый вид разделения труда, распределения продуктов, обмена, социальной, правовой и духовной жизни. Достаточно было в экономической истории людей ради-

кально измениться отношению между трудящимися и средствами производства, чтобы вместе с тем радикально изменились и все другие стороны хозяйственной, политической и духовной жизни, чтобы возникло совершенно новое общество. Правда, между всеми этими сторонами экономической жизни общества происходит постоянное взаимодействие. Отношение рабочей силы к средствам производства не только влияет на разделение труда, распределение продуктов, обмен, но и само подвергается обратному воздействию со стороны последних. Однако способ воздействия в обоих случаях различен. Господствующий на данной ступени хозяйства способ разделения труда, распределение богатств, обмен могут постепенно подточить то отношение между рабочей силой и средствами производства, на почве которого они сами выросли. Но их форма изменяется лишь после того, как в области устаревшего отношения между рабочей силой и средствами производства произошла настоящая революция. Таким образом перемены в области отношения между рабочей силой и средствами производства образуют видимые большие вехи на пути истории хозяйства, они отмечают естественные эпохи в процессе экономического становления человеческого общества» (стр. 135 — 137. Подчеркнуто мною. А. Т.).

Данное здесь Розой Люксембург определение «производственных отношений», отграничение их от производственной техники и определение взаимоотношений между отдельными сторонами экономической жизни принадлежит к самому ясному и наглядному из всего, что было до сих пор сказано в этой области. Для большей полноты было бы, однако, нужно не только отграничить производственные отношения от техники производства, но и указать их взаимную связь. Маркс говорит где-то, что ручной ткацкий станок и механический ткацкий станок обуславливают две различные общественные формы. Но дело обстоит не так, чтобы какая-нибудь определенная ступень производственной техники однозначно определяла форму производства. Связь тут не непосредственная, а опосредствованная, не односторонняя, а двусторонняя, и обе эти линии развития не параллельны, а пересекают друг друга.

Опосредствующим звеном служит, очевидно, род и размер кооперации, которая требуется определенной техникой, при чем однако из факта непрерывно развивающейся техники отнюдь не вытекает столь же непрерывный рост кооперации. Поясним это примером. Охота на крупную дичь с помощью снарядов и методов раннего и позднего каменного века (в котором еще жили австралийские туземцы ко времени их открытия),—охота с помощью кремня или снабженного острой костью деревянного копья, бумрага, волчьих ям, палицы и т. д.—безусловно требовала, чтобы охотились группами. Некоторая высшая ступень техники делает, наоборот, возможной единичную охоту на крупную дичь, и т. д. Размеры и род кооперации могут в свою очередь соединяться с различными общественными формами. Производственная техника оказывает общественное влияние только на последующее звено производственных отношений. Каждая из бывших доселе хозяйственных форм имела своей предпосылкой определенную ступень техники, но ставила вместе с тем развитию по-

следней определенной общественные границы, прорвать которые была в состоянии только революция. Капиталистическая система не составляет исключения из этого правила. Самодовлеющее развитие производственной техники, эта излюбленная мечта радикальной интеллигенции, пустой вымысел. Луч техники доходит до человека не иначе, как преломившись в среде общественной организации труда.

Более кратко, но не менее удачно расправляется Роза Люксембург и с известной историко-экономической схемой профессора Бюхера: замкнутое домашнее хозяйство, городское хозяйство и «народное хозяйство». Бюхер берет масштаб экономического развития не производственные отношения, а отношения обмена, и приходит, таким образом, к несуразному объединению коммунистической сельской общины, афинского хозяйства, основанного на рабском труде, и феодального хозяйства под общей рубрикой «хозяйства без обмена». Несуразность заключается не только в том, что «хозяйство без обмена», как правильно замечает Роза Люксембург, «есть профессорская химера, которая до сих пор нигде на земле не обнаружена и которая в применении к античной Греции и Риму, а также к феодальному средневековью», представляет собою фантазию, ошеломляющую своей смелостью» — как и в применении, добавим мы, к древнейшему первобытному времени, в чем можно убедиться из любого руководства по первобытной истории.

О причинах, в силу которых для рабочего класса крайне важно не только отграничить древнее коммунистическое общество от позднейшего, Роза Люксембург замечает:

«Только тот, кто отдаст себе ясный отчет в специфических экономических особенностях первобытного коммунистического общества, а также в своеобразии античного хозяйства, основанного на рабском труде, и средневекового барщинного хозяйства, — только тот сумеет вполне основательно понять, почему нынешнее капиталистическое классовое общество впервые дает исторические предпосылки для осуществления социализма, и в чем заключается фундаментальное отличие социалистического мирового хозяйства будущего от примитивных коммунистических групп первобытных времен» (стр. 145).

Для нас к этому присоединяется еще одно соображение — интересы социалистического строительства, его этапов и форм. Без основательного теоретического уразумения того, как отнесется социалистическое хозяйство не только к капиталистическому, но и к простому товарному хозяйству (т.-е., в первую очередь, к крестьянскому) и к различным формам натурального, нельзя правильно вести ни хозяйство, ни политику социалистического государства. Все это стало теперь злободневными практическими вопросами социалистического строительства.

Роза Люксембург начинает свое изображение примитивного коммунистического общества с германской марковой общины, как наилучше исследованной. Затем она переходит к поземельной общине в государстве инков (Перу). В существенных чертах последняя совпадает с германской, но обнаруживает одно своеобразное явление, которое освещается очень полно Розой Люксембург: я говорю о факте эксплуатации и подчинения одних коммунистических организованных племен другим, организованным

так же, туземных племен страны вторгшимися племенами завоевателей — инков.

Роза Люксембург показывает на этом примере, в какие узкие границы был поставлен первобытный коммунистический коллектив, и как это обстоятельство послужило причиной его разложения:

«Первобытное коммунистическое общество не знало общечеловеческих принципов; равенство и солидарность вырастали в нем из традиций общих кровных уз и из общего владения средствами производства. Насколько простиралась эта общность кровных уз и владения, настолько же простиралось и равенство прав и солидарность интересов. Что лежало вне этих интересов, — а они были так же узки, как размеры деревни, самое большее как территориальные границы племени, — то было чужим, а стало быть могло стать и враждебным. Коллективы, в своей внутренней жизни основанные на хозяйственной солидарности, могли и должны были, благодаря низкой ступени развития производства, благодаря скудости или истощению источников питания при росте населения, периодически приходиться в смертельное столкновение с другими, подобными же коллективами; эти столкновения разрешились животной дракой, войной, и кончались уничтожением одной из враждующих сторон, или, гораздо чаще, установлением режима эксплуатации. Не преданность абстрактным принципам равенства и свободы лежала в основе первобытного коммунизма, но железная необходимость заставляла, в условиях низкого развития человеческой культуры и беспомощности людей перед лицом внешней природы, держаться большими союзами и планомерно и объединенно вести работу в борьбе за существование. Однако этот же самый недостаток власти над природой был вместе с тем и причиной того, что общий план и общее ведение работы ограничивались сравнительно ничтожной областью естественных лугов, или распаханных деревенских участков, и делал людей совершенно неспособными к общим работам в более крупном масштабе. Примитивное состояние агрикультуры не допускало тогда расширения хозяйства за пределы деревенской общины и тем самым ставило развитие солидарности интересов в узкие границы» (стр. 155).

Исходя из этих положений, Роза Люксембург несколькими штрихами выясняет сущность спартанского общества, отношение организованных в сельские общины спартиатов (дорян) к илотам, которые первоначально были тоже коммунистически организованы, но затем были лишены своей земли коммунистическими завоевателями и отданы, в качестве рабочей силы, в распоряжение отдельных членов общин для полевых работ.

Но отношение эксплуатации и господства между коммунистическими коллективами вносит зародыши разложения в сам господствующий коллектив:

«Самый факт завоевания и необходимость зафиксировать эксплуатацию, как постоянное учреждение, ведет к сильному развитию военного дела, что мы видим как в государстве инков, так и в спартанских государствах. Тем самым зложена первая основа для неравенства, для выделения привилегированных колен из первоначально равной и свободной крестьянской массы. В дальнейшем требуются только благоприятные географические и

культурно-исторические условия, порождающие при столкновении с более образованными народами уточненные потребности и оживленный обмен,—чтобы неравенство начало быстро прогрессировать также и среди господствующих, ослабляя коммунистическую связь и освобождая место для частной собственности, с ее разделением на богатых и бедных. Классическим примером этих процессов остается древнейшая история греческого мира до его столкновения со старыми культурными народами Востока. Таким образом результат покорения одного первобытного коммунистического общества другим, произойдет ли оно раньше или позже, всегда один и тот же: разрыв традиционных коммунистических общественных уз как среди господ, так и среди подчиненных, и рождение совершенно новой общественной формации, в которой частная собственность, а с нею неравенство и эксплуатация появляются одновременно, взаимно порождая друг друга. Так, история древней сельской общины в классической древности приводит, с одной стороны, к противоположности между задолженной массой мелких крестьян и знатью, присвоившей себе военную службу, государственные должности, торговлю и крупные землевладения, а с другой—к противоположности между этим обществом свободных в целом граждан и эксплуатируемыми рабами. От этой, имевшей много вариаций, формы натурально-хозяйственной эксплуатации какой-либо общины покоренного ею племени был только один шаг к введению института покупных рабов в других общинах. В Греции этот шаг был быстро сделан благодаря морским сношениям и международной торговле, с ее влияниями на побережьях и в островных государствах» (стр. 159).

Гомеровские поэмы удивительно пластично изображают один из типичных ранних этапов этого развития.

С другой стороны, Роза Люксембург показывает, как разлагалось государство инков под давлением испанских завоевателей и как одновременно возникали новые формы эксплуатации. Без знания истории этого периода невозможно понять социальные условия в современной Южной Америке, в особенности институт шенача. Затем Роза Люксембург переходит к различным формам первобытной коммунистической общины в Индии, в которой содержится ключ к пониманию более развитых форм, встречающихся в Европе на заре истории у германцев, кельтов, славян и т. д. Она показывает, как в Индии и других восточных странах из особых функций, которых требовало руководство иригацией, возникает на почве первобытной коммунистической общины особая социальная власть жрецов.

«Из этой чисто-хозяйственной функции естественно выросла со временем и особая социальная власть жрецов; возникающая вследствие разделения труда специализация одной части общества превращается в наследственно замкнутую касту, с привилегиями и эксплуататорскими интересами по отношению к массе крестьянства. Как быстро и как далеко шел этот процесс у того или иного народа, оставался ли он в зародышевых формах, как у перуанских индейцев, или развивался в подлинное государственное господство жрецов, в теократию, как у египтян или у древних евреев,—это всякий раз зависело от особенных географи-

ческих и исторических обстоятельств, именно от того, не появлялись ли в результате частых военных столкновений с окружающими народами наряду с кастой жрецов еще и могущественная каста воинов, которая соперничает, в качестве военной знати, с кастой жрецов и часто возвышается над нею» (стр. 172).

Главные формы индийской поземельной общины, в порядке их исторического преемства, по Ковалевскому следующие:

1) Чисто родовая община (совокупность кровных родичей одного рода) с нераздельным владением землей и совместной ее обработкой. Делится только урожаем, сохраняемый в общих деревенских амбарах.

2) Семейная община с поделенной пахотной землей, но с неравными семейными наделами, определяемыми степенью родства с предками. Наделы становятся иногда наследственными; наряду с этим продолжает существовать и нераздельная общинная земля.

3) Традиция кровных уз ослабевает. Неравенство семейных наделов становится нестерпимым, и так возникает община с равными семейными нарезками из общинной земли, которая делится на несколько конов («wund»), в зависимости от свойств почвы. Сначала—распределение участков по потребности, затем—периодические переделы земли.

«Так разложение индийской родовой общины приводит к форме, которая исторически установлена как первоначальная германская марксовая община» (стр. 177).

В заключение Роза Люксембург изображает разложение русской крестьянской общины—«превращение, под гнетом царского absolutизма», «общинного строя в аппарат для выжимания налогов, а с другой стороны—появление в деревне ростовщичества, деревенской буржуазии, господствующей над мирским сходом, большинство которого задолжено ей и зависимо от нее.

Подводя итоги, Роза Люксембург показывает, как зародыши разложения заложены внутри самого первобытно-коммунистического общества—в узких границах его производительных сил. Первобытная коммунистическая община препятствует переходу к более высоким ступеням земледелия, к более интенсивной обработке земли, так как тогдашний уровень сельско-хозяйственной техники требовал «более прочной и глубокой связи личной рабочей силы с землей», в форме индивидуального мелкого хозяйства. Особую роль играет при этом удобрение почвы.

Быстрее и интенсивнее действует разлагающим образом другой фактор: неизбежная передача обширных хозяйственных задач общественного характера (вроде искусственного орошения) в руки специальных органов, которые в конце концов превращаются в наследственную господствующую касту. Третьим фактором является специализация военного дела в руках определенного слоя. Так повсюду в примитивных обществах возникает неравенство и эксплуатация.

Но во всяком случае социальное неравенство и деспотия примитивных обществ существенно отличается от того неравенства, которое царит в цивилизованных обществах и ими впервые переносится в общества примитивные. Возвышение примитивной знати, деспотическая власть примитивного предводителя суть такие же естественные

продукты общества, как все остальные стороны его быта. В них находит себе лишь иное выражение беспомощность общества перед окружающей природой и собственными социальными отношениями, та беспомощность, которая одинаково проявляется и в магических церемониях культа, и в периодически повторяющемся голоде, от которого почти или совсем погибают производители вместе с массой своих подданных. Это господство знати и производителей находится в полной гармонии с остальными формами материальной и духовной жизни общества, как это наглядно обнаруживается в том характерном факте, что примитивная власть примитивных владык всегда теснейшим образом переплетается с примитивной естественной религией, с культом умерших, и опирается на этот культ» (стр. 195).

Поэтому подобное общество может существовать тысячелетиями в этих условиях деспотизма и неравенства, которые согласуются с естественными формами его жизни и не колеблют его основу.

Наоборот, вторгающийся европейский капитализм кратчайшим путем отнимает у этих коллективов их социальную основу—важнейшее средство их общего производства, землю—и приводит их таким образом к гибели.

#### 4. Товарное производство. Закон заработной платы.

Глава о товарном производстве вполне закончена. Изложение прозрачно и достигает большой наглядности благодаря многочисленным историческим примерам.

Остановимся на некоторых характерных пунктах. Замечательна уже самая постановка вопроса, которая берет капитализм и простое товарное производство в их историческом своеобразии. Вопрос ставится Розой Люксембург так: «как возможно как капиталистическое общество?, хотя оно не знает ни плана, ни организации? И. Дицген подходит к вопросу с той же стороны, когда пишет: «Познать социальную сущность нашего протекающего в частных формах труда,—такова была научная задача политической экономии»<sup>1)</sup>. Этот способ постановки вопроса уже заключает в себе диалектически-революционный метод исследования.

Отметим далее установление того факта, что общественное объединение индивидуальных товаропроизводителей в процессе товарного производства не есть нечто раз навсегда застывшее, но нечто текучее, что все время возобновляется и снова разлагается в диалектическом процессе:

«Производство товаров есть необходимое условие жизни, и вот создается такое состояние общества, при котором все люди живут отдельно, как совершенно изолированные индивидуумы, но существующие друг для друга и только через свои товары попеременно то входящие в связь с целым, то снова выключаемые из этой связи. Перед нами в высшей степени рыхлое и неустойчивое общество, охваченное непрестанным вихревым движением своих отдельных членов» (стр. 210, 211).

<sup>1)</sup> И. Дицген, «Капитал Маркса» в Полном собрании сочинений, т. III, стр. 72 (немецкого издания).

Связанное здесь о простом товарном производстве относится на более высокой ступени, и к развитому капиталистическому производству. Индивидуальный товаропроизводитель может здесь раздаться до многообразно расчлененного тresta, представляющего внутри себя планомерное целое, но принципиально это ничего не изменяет в противоречии между частным проявлением и общественной сущностью труда и в противоречивом, текучем, неустойчивом характере общественного объединения. Противоречивый и несознаваемый самими членами общества характер их общественной связи уже заключает в себе условие возможности, или вернее необходимости, временных и частичных разрывов в этой связи во всех пунктах системы. Интересен, далее, у Розы Люксембург вывод товарного производства и обмена из первобытно-коммунистических хозяйственных форм.

Она ставит вопрос: как возможно появление разделения труда, которое может развиваться только в результате частной собственности и обмена, но которое, с другой стороны, является исторической предпосылкой того и другого?

Так мы наталкиваемся на странное противоречие: обмен возможен только при условии частной собственности и развитого разделения труда, но разделение труда может возникнуть только в результате обмена и на основе частной собственности; частная собственность, в свою очередь, возникает только благодаря обмену. Если взглянуть внимательнее, здесь даже двойное противоречие: разделение труда должно существовать до обмена, но обмен должен уже быть налицо одновременно с разделением труда; и далее: частная собственность является предпосылкой разделения труда и обмена, но сама она не может развиваться иначе, как в разделение труда и обмена. Как возможно такое переплетение условий?» (стр. 223).

Разрешение этого противоречия осуществляется путем длительного исторического процесса. Обмен возникает впервые у первобытных коммунистических племен и общин, при чем он происходит между племенами и общинами, как целыми, а не между отдельными лицами. Отсюда развивается разделение труда между племенами и общинами, которое имеет своей основой своеобразие их продуктов, простирающееся из естественных условий. С возрастанием оживленности и регулярности этого обмена появляются и укореняются деньги. Это, в свою очередь, ускоряет распространение торговли, торговля вносит разложение в среду первобытно-коммунистических, а также феодальных коллективов, и т. д.

Из главы о заработной плате отметим два замечания. Первое направлено против самодовольно-ограниченного образа мыслей рабочей аристократии и соответствующего ей реформизма, который характеризуется именно тем, что обращает внимание только на условия жизни рабочей аристократии, а не всего класса. По этому поводу Роза Люксембург замечает:

«Положение низших слоев пролетариата подчиняется, таким образом, тем же законам капиталистического производства, и лишь вместе с широким слоем сельских рабочих, а также со всей армией безработных и со всеми слоями, от верхних до низших, образует пролетариат органическое целое, социальный класс, изучая который, с его различными степенями ну-

жды и угнетенности, можно понять капиталистический закон заработной платы в целом» (стр. 278).

И недостаточно, прибавим мы, иметь в виду рабочий класс только одной какой-либо страны или хотя бы только капиталистических стран,—нет, лишь вместе с рабочими колониальных стран представляет он собою осуществление капиталистического закона заработной платы в его полном объеме.

Как оказывается, понимание этой теоретической истины становится вполне доступно аристократическим верхушкам рабочего класса, в особенности господствующих империалистических стран, только тогда, когда опыт практически демонстрирует им «органическую» связь всех частей рабочего класса—когда верхушки увлекаются вниз низами.

Второе замечание касается «относительной заработной платы», т.-е. постоянного сокращения доли заработной платы благодаря повышению производительности труда, развитию техники. Это явление есть результат товарного характера рабочей силы.

«Борьба против понижения относительной заработной платы есть поэтому вместе с тем и борьба против товарного характера рабочей силы, т.-е. против капиталистического производства в целом. Борьба против падения относительной заработной платы не есть уже, стало быть, борьба на почве товарного хозяйства, но революционный, разрушительный натиск на самое существование этого хозяйства. Это—социалистическое движение пролетариата» (стр. 274).

Переход от борьбы за абсолютную к борьбе за относительную заработную плату есть, таким образом, точное экономическое выражение перехода от чисто профессиональной борьбы рабочего класса к его революционной и политической борьбе.

#### 5. Заключительная глава-фрагмент.

Последняя глава о «тенденциях капиталистического хозяйства» явно имеется только в форме наброска и к тому же незаконченного наброска.

Только этим ее характером объясняется то, что из нее можно вынести впечатление о каком-то механическом конце капитализма, как результате противоречия между границами рынка и потребностью в использовании капитала в условиях распространившегося по всей земле капиталистического производства. Достаточно сравнить относящиеся сюда отделы из «Накопления», чтобы убедиться в совершенной ошибочности такого понимания.

Ограничимся следующей цитатой из названной книги:

«Империализм есть в такой же мере исторический метод для продления существования капитала, как и вернейшее средство кратчайшим путем объективно положить предел его существованию. Это не значит, что этот конечный пункт педантически должен быть достигнут. Уже тенденция к этой конечной цели капиталистического развития проявляется в таких формах, которые обращают заключительную фазу капитализма в период катастроф» (31 глава, стр. 424).

А в той же заключительной главе «Введения» встречается следующая замечательная фраза, дающая экономическую характеристику процесса нисхождения капитализма:

«С каждым новым шагом своего развития капиталистическое производство неудержимо приближается к тому времени, когда его дальнейшее распространение и развитие будет становиться все медленнее и труднее» (стр. 292).

Одновременно Роза Люксембург указывает на то, что само себе капиталистический способ производства имеет еще перед собой много мест, где он только впервые мог бы укорениться. Но в этом процессе его фундаментальные противоречия, военные катастрофы и социальные кризисы будут все учащаться и обостряться. Социалистическая революция уже началась с окончанием мировой войны, и отныне она переплетается с дальнейшим развитием империализма, в свою очередь стремясь к расширению и усоряя и усиливая кризисы, возникающие на почве империалистической эксплуатации.

Читатель с огорчением отметит, что в книге Розы Люксембург отсутствуют все те разнообразные экономические вопросы, которые специально связаны с империалистической стадией капитализма, не затронут вовсе вопрос о кризисах и т. д.

Впрочем, предлагаемую книгу Розы Люксембург нужно оценивать по тому, что она содержит и на что рассчитана. Книга не желает быть учебником политической экономии, но введено в нее, т.-е. подготовкой к изучению «Капитала» Маркса и явлений капиталистического хозяйства вообще.

И, как такое введение, она содержит в себе, несмотря на свой фрагментарный и местами незаконченный характер, не только множество блестящих мыслей, интересных замечаний, отдельных исследований, но прежде всего мастерское изложение и применение марксистского метода, причающее учащегося революционного рабочего, для которого и предназначена книга, к острому, критическому, самостоятельному мышлению, но в то же время интересное и для марксистского исследователя вскрытием целого ряда новых проблем, или новым, неожиданным освещением уже известных.

Книга дает могущественный толчок к самостоятельному изучению и исследованию. Как Кант хотел научить своих учеников «философствованию», а не дать им готовую философию, так и Роза Люксембург стремилась и в своем преподавании, а в настоящей книге прежде всего, приучить своих слушателей и читателей к экономическому мышлению согласно исторически-диалектическому методу. Эта цель достигнута книгой Розы Люксембург едва ли не лучше, чем каким бы то ни было другим сочинением после-марксистской экономической литературы.

Перевод *Ис. Румера.*